

Е. А. Бочков

«Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г.

**Бочков Евгений
Анатольевич,**
доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военно-исторических наук, Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

В 1912 г. Россия готовилась широко отметить 100-летие Отечественной войны 1812 г.¹ 24 октября (6 ноября) 1911 г.² император Николай II рассмотрел и утвердил предложения военного министра о порядке празднования юбилейной даты³. Непосредственная подготовка к торжествам началась весной 1912 г. Была создана Межведомственная комиссия по обсуждению вопросов, связанных с юбилейными торжествами Отечественной войны. Возглавил ее член Военного совета, генерал-лейтенант от инфантерии В. Г. Глазов⁴. Была разработана программа торжеств, которая носила комплексный характер и включала: а) проведение воинских ритуалов (смотр войскам, прохождение церемониальным маршем); б) церковные мероприятия (крестный ход, молебен); в) общегражданские мероприятия (прием депутатов от различных сословий и корпораций, посещение императорскими особами Московского дворянского собрания, открытие Музея 1812 г., открытие панорамы Бородинского сражения и др.).

Подготовка к юбилейным торжествам потребовала напряженной работы практически всех высших органов государственной власти и управления Российской империи. О степени этой напряженности говорят документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива. К подготовке были привлечены: Министерство императорского двора и уделов, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Военное министерство, Главное управление Генерально-

---

го штаба, Совет Министров, Святейший синод, Московский генерал-губернатор... 20 июля (3 августа) 1912 г. на заседании Совета Министров под председательством В. Н. Коковцова⁵ обсуждался вопрос «о тех милостях, которые предполагается даровать отдельным ведомствам 26 августа с. г. в память столетней годовщины Бородинского боя»⁶. Такая активность, по нашему мнению, во многом объясняется тем, что император Николай II чувствовал, что авторитет его власти падает, и требуются энергичные меры для укрепления ее легитимности, в том числе и путем массовых акций.

В связи с этим представляет определенный интерес выдержка из статьи, опубликованной 29 апреля (12 мая) 1912 г. в еженедельной монархической газете «Патриот»⁷: «Вообще у нас все национальные праздники, исторические дни, годовщины великих событий выделяются из будней только для небольшой сравнительно части населения. Между тем, народ настоятельно нуждается в оживлении интереса к своему прошлому, и юбилейный год дает прекрасную возможность для того, чтобы хоть на одно мгновение воскресить в памяти серых миллионов героической, национальный подвиг, объединивший Русскую землю от дворца до бедной избы»⁸. Вряд ли эта публикация повлияла на решение Николая II «придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»⁹. Однако, надо учитывать, что данная газета отражала ортодоксальные взгляды и настроения представителей «Русского монархического союза» и «Русского монархического собрания», то есть людей, близких к императорскому двору.

Основными центрами предстоящих празднеств должны были стать село Бородино и Москва. При этом Николай II высказал пожелание, чтобы мероприятия на Бородинском поле носили военно-мемориальный характер, в то время как московским торжествам предложено было придать в большей степени общегражданское (не военное) содержание. 6 (19) мая 1912 г. В. Г. Глазов в своем письме председателю Совета Министров В. Н. Коковцову писал: «Исходя из сего представители дворянства, земства, городов, сельского населения и учащиеся примут видное участие в московской части празднеств. На Бородинском же поле ввиду неоднократно выраженного желания государя императора придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества представители не военного класса явятся лишь присутствующими»¹⁰.

Подготовительная работа шла по нескольким направлениям. В Можайском уезде Московской губернии на местности, где должны были пройти торжественные мероприятия, в срочном порядке приводились в порядок дороги, ремонтировались мосты, восстанавливались обветшавшие за минувшее столетие укрепления русской армии. На эти цели из Государственного казначейства по бюджету Военного министерства было выделено 500 тыс. руб., в том числе: 1) на сооружение в Москве панорамы Бородинского сражения — 50 тыс. руб.; 2) на восстановление полей сражений 1812 г. — 50 тыс. руб.; 3) на исправление дорог на Бородинском поле — 40 тыс. руб.; 4) на сооружение в Витебске памятника героям

Отечественной войны 1812 г. — 3,6 тыс. руб.; 5) на перевозку на родину праха генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского — 1 тыс. руб.; 6) на издание популярной брошюры об Отечественной войне (2 млн экз.) — 88,2 тыс. руб.; 7) на издание в Смоленске исторического сборника в память войны 1812 г. — 3 тыс. руб.; 8) на командирование воинских частей и депутатов на юбилейный парад — 191,8 тыс. руб.; 9) на изготовление нагрудной медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. — 63 тыс. руб.; 10) на изготовление настольной юбилейной медали — 9,4 тыс. руб.¹¹ Планировалось выпустить 43 тыс. нагрудных медалей, 350 тыс. настольных медалей из бронзы и 12 настольных медалей из золота¹². При этом следует указать, что данные расходы не были предусмотрены в государственном бюджете на 1912 год. Их возмещение планировалось осуществить за счет «...ожидаемых сбережений от назначений по Военному министерству»¹³. Кроме того, казначейство отчеканило 25 тыс. юбилейных серебряных монет однорублевого достоинства. Они предназначались для раздачи военнослужащим частей, принимавших участие в юбилейных торжествах¹⁴.

От станции Бородино (Александровской железной дороги) до императорского павильона в районе Спасо-Бородинского монастыря в кратчайшие сроки была построена железнодорожная ветка «...для обслуживания поездов чрезвычайной важности». С этой целью из владения помещицы Л. И. Никитиной было временно изъято 1780 квадратных сажен земли¹⁵. Большие работы были выполнены по обустройству лагерей для размещения воинских частей и подразделений, привлекавшихся для участия в смотре и параде на Бородинском поле. Благоустраивались и украшались места, где предполагалось проведение праздничных мероприятий. Между железнодорожным вокзалом станции Бородино, ставкой императора Николая II и Спасо-Бородинским монастырем было установлено несколько арок с надписями: «Не нам, не нам, а имени Твоему»; «С крестом в сердце, с оружием в руках, никакие человеческие силы не одолеют нас»; «Имена и дела ваши будут переходить из уст в уста до поздних родов».

В селе Горки Можайского уезда на месте, где во время сражения 26 августа (7 сентября) 1812 г. находился командный пункт главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, был сооружен монумент. В канун столетнего юбилея на Бородинском поле было установлено (или заложено) 33 памятника соединениям и частям русской армии, сражавшимся здесь в 1812 г. Причем только два монумента были сооружены за казенный счет. Остальные обелиски устанавливались на средства, собранные офицерами в полках. Из Галле (Германия) был перенесен и перезахоронен на Семеновских флешах прах генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского¹⁶.

В течение трех летних месяцев предстояло выполнить огромный объем работ. Однако вскоре стало понятно, что не все объекты будут готовы к назначенному сроку. Российская пресса справедливо критиковала власть за то, что ремонтно-восстановительные работы на Бородинском поле были начаты поздно. Подготовка к юбилею вызвала оживленный инте-

рес у представителей различных слоев российского общества. В Бородино ехали из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги и других городов, чтобы посмотреть места ратной славы Отечества. Но на Бородинском поле посетителей встречала строительная пыль и полное отсутствие каких-либо бытовых удобств. К работам в Можайском уезде были привлечены не только гражданские строительные организации, но и воинские (прежде всего инженерные) подразделения, а также арестанты.

Видимо, идея «всенародного торжества» была с энтузиазмом воспринята властью, так как во всех официальных документах Министерства императорского двора и Военного министерства, датированных апрелем–августом 1912 г., она проходит красной нитью. О масштабах привлечения различных классов и слоев российского общества к проведению праздничных мероприятий говорят архивные материалы. 21 апреля (4 мая) 1912 г. состоялось заседание междуведомственной комиссии под председательством В. Г. Глазова, на котором обсуждалась программа торжественных мероприятий 25–30 августа (7–12 сентября) 1912 г. и церемониал празднования юбилея на Бородинском поле.

Комиссия высказала пожелание «...чтобы к присутствию на торжества были приглашены»:

а) губернские предводители дворянства, председатели губернских земских управ, городские головы губернских городов (или равнозначные им лица) всех губерний России, включая Сибирь (всего около 150 человек);

б) депутации от Московского городского общества и Московского губернского земства, все уездные председатели уездных земских управ, городские головы и старосты уездных городов и все земские начальники Московской губернии (всего примерно 120 человек);

в) волостные старшины (или равнозначные им лица), по одному от каждой губернии и области России; все волостные старшины, председатели волостных судов и сельские старосты Московской губернии; представители инородцев (башкиры и калмыки), чьи иррегулярные воинские формирования принимали участие в Отечественной войне 1812 г. (всего примерно 4500 человек);

г) депутации от сословий, учреждений и обществ, «коиими будет выражено желание возложить венки на памятник на братской могиле»;

д) представители учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения¹⁷.

Первоначально участие инородческих делегаций в Бородинских торжествах не планировалось. Но 26 мая (8 июня) 1912 г. депутат Государственной Думы от Уфимской губернии Мухаммед Шакир Мухаммед Харисович Тукаев обратился к министру внутренних дел А. А. Макарову¹⁸ с просьбой о допуске депутации от башкир на юбилейные мероприятия¹⁹. Свою ходатайство он обосновывал тем, что во время Отечественной войны 1812 г. башкиры принимали активное участие в боевых действиях. Ими было выставлено 20 конных

полков (из 29 полков, сформированных от Уфимской, Оренбургской, Самарской и Пермской губерний)²⁰. Кроме того, башкиры пожертвовали большое количество коней для нужд армии и собрали значительные денежные средства. А. А. Макаров поддержал инициативу думца. Таким образом, в Бородинских юбилейных мероприятиях смогли принять участие и представители других народов многонациональной России, внесшие свой вклад в разгром агрессора.

Обсуждался и вопрос об участии «потешных» (военно-исторических. — Е. Б.) организаций в праздничных мероприятиях на Бородинском поле. В итоге комиссия приняла решение: «...Ввиду имеющего быть в Петербурге в июле месяце смотра таких организаций империи²¹, таковые на юбилейные торжества допущены не будут, за исключением Можайской уездной роты “потешных”, составленной из детей жителей окрестностей Бородина»²².

22 апреля (5 мая) 1912 г. член комиссии, отставной генерал-лейтенант В. К. Болдырев²³ в своем письме начальнику канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенанту А. А. Мосолову²⁴ выказал негативное отношение к планам приглашения большого количества делегаций от низших сословий на праздничные мероприятия в Бородине: «Московский губернатор предлагает сосредоточить на Бородинском поле одних волостных старшин и сельских старост до 4000 душ и предлагает им 26 августа обед от Гофмаршальской части»²⁵. Кроме делегаций, в этот день на Бородинском поле «будет сосредоточено до 11 000 войск»²⁶. Между тем, в Бородине и окрестных селах отсутствуют условия для размещения и обслуживания такого количества гостей. В. К. Болдырев задает резонный вопрос: «В состоянии ли будет Гофмаршальская часть устроить для обеда столько соответствующих помещений и накормить такую массу лиц?»²⁷

Организаторы праздника вынуждены были ограничивать количество членов делегаций. Так, например, Императорское русское военно-историческое общество подало заявку на участие в торжествах 66 человек²⁸. Аналогичные заявки поступили от Императорского общества истории и древностей российских, Московского и Виленского кружков ревнителей Отечественной войны, Общества ревнителей истории. 11 (24) августа 1912 г. московский губернатор В. Ф. Джунковский²⁹ запрашивал телеграммой Церемониальную часть Министерства императорского двора — «...каком числе могут быть допущены депутации»³⁰? Решением министра императорского двора В. Б. Фредерикса³¹ было определено: делегацию от Императорского русского военно-исторического общества «...во внимание к особому значению сего общества...» допустить в количестве 10 человек, остальные — «...не свыше 5 лиц от каждого»³². По личной просьбе исполняющего должность председателя Императорского русского военно-исторического общества Н. П. Михневича³³ состав делегации был увеличен до 11 человек. Основанием для такого решения стало «...желание совета Общества включить в состав означенной депутации, кроме председателя и секретаря общества, по одному представителю от местных отделов последнего, которых в настоя-

щее время имеется девять: Московский, Киевский, Варшавский, Одесский, Финляндский, Казанский, Тамбовский, Орловский и Донской»³⁴.

Кроме делегаций российских, в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. приняли участие и многочисленные зарубежные делегации: депутация Великого княжества Финляндского³⁵; военная французская миссия во главе с командиром 8-го армейского корпуса, дивизионным генералом де Лангль де Кари (*de Langle de Cary*)³⁶ в составе трех человек³⁷; объединенная делегация двух военно-исторических обществ Франции «Le Souvenir Français»³⁸ и «La Sabretache»³⁹, по инициативе которых на Бородинском поле сооружался памятник французским солдатам, погибшим в 1812 г. Объединенная общественная делегация насчитывала 14 человек, возглавлял ее бывший командир армейского корпуса дивизионный генерал де Торси (*de Torcy*)⁴⁰.

Изучая материалы, связанные с празднованием 100-летия Отечественной войны 1812 г., мы приходим к выводу, что организаторы проявили инициативу и нашли ряд оригинальных решений при формировании программы торжеств. Так, например, на Бородинское поле были приглашены ветераны и очевидцы Отечественной войны 1812 г. Выполняя решения центральных властей, во всех губерниях Российской империи разыскивали людей, которые были участниками или свидетелями «грозы двенадцатого года». При этом губернаторам было строго наказано тщательно проверять достоверность сведений об участии тех или иных лиц в событиях столетней давности.

В результате проведенной работы к августу 1912 г. удалось выявить 25 человек, которые были очевидцами нашествия Наполеона в Россию. Более того, нашлись даже несколько участников войны (14 человек)⁴¹. Комиссия тщательно проверяла сведения, полученные от губернаторов и начальников военных областей. В ряде случаев информация оказалась недостоверной. Некоторые старики скончались, не дожив до юбилея войны несколько месяцев. По архивным документам и газетным публикациям 1912 г. удалось установить фамилии людей⁴², которые были сопричастны событиям Отечественной войны 1812 г. и дожили до ее столетнего юбилея:

1) отставной фельдфебель Аким Винтонюк, 122 года, проживал в городе Кишиневе Бессарабской губернии («участвовал, по его словам, в Отечественной войне и в обороне Севастополя»);

2) хорунжий Бурнос, 113 лет, проживал в Кубанской области;

3) солдат Корневский, 116 лет, проживал в Витебской губернии;

4) крестьянин Этте, 120 лет, проживал в Лифляндской губернии, («полченец Отечественной войны»);

5) крестьянин Волонцевич, 115 лет, проживал в Гродненской губернии;

6) крестьянин Воробьев, 104 лет, проживал в Могилевской губернии;

7) крестьянин Гордей Громов, 110 лет, проживал в селе Красном Поколюбеческой волости Гомельского уезда Могилевской губернии («очевидец следования французских войск через село Красное»);

8) крестьянин Жерношенков, 111 лет, проживал в Могилевской губернии;

9) крестьянин Жеррилов, 110 лет, проживал в Могилевской губернии;

10) крестьянин Степан Жук, 110 лет, проживал в деревне Шавельки Дриссенского уезда Витебской губернии («после сражения при Кульбове, по уходу оттуда войск, он собирал на поле сражения пули»);

11) крестьянин Ефим Кобылин, 109 лет, проживал в селе Рогозино Ключковской волости Барнаульского уезда Томской губернии;

12) мещанин Петр Лаптев, 118 лет, проживал в деревне Милях⁴³ Свенцянской волости Свенцянского уезда Виленской губернии («очевидец следования Наполеона и его армии через Свенцяны»);

13) крестьянин Монарский, 108 лет, проживал в Витебской губернии («очевидец сражения под Классисеном»⁴⁴);

14) крестьянин Новиков, 119 лет, проживал в Смоленской губернии;

15) еврей Овручин, 111 лет, проживал в Могилевской губернии;

16) крестьянин Максим Пятаченков, 120 лет, проживал в слободе Загуменщина (около города Кирсанова) Ирской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии («очевидец пребывания французских солдат в городе Кирсанове»);

17) мещанин Сердюков, 119 лет, проживал в городе Екатеринославе⁴⁵;

18) «кандидат на классную должность» Степанов, 115 лет, проживал в Симбирской губернии;

19) крестьянка Мария Желтякова, 110 лет, проживала в деревне Подберезная Рождественской волости Бронницкого уезда Московской губернии;

20) крестьянка Евгения Жерносенкова, 115 лет, проживала в поселке Ириновка Вылевской волости Гомельского уезда («очевидица событий Отечественной войны; отец, по ее заявлению, участвовал в военных действиях»)⁴⁶.

Автор одной из статей, Владимир Белинский, анализируя социальный состав старожилы, пишет: «...бросается в глаза то, что все эти люди неинтеллигентные и необразованные — по преимуществу крестьяне, и что дворян среди них вовсе нет (тот факт прискорбный для нашего дворянства, не сумевшего сберечь ни богатств, ни даже здоровья)»⁴⁷.

Размышляя о подготовке к юбилейным торжествам, В. Белинский затрагивает весьма болезненную тему (не потерявшую своей актуальности и в наше время) — отношение общества и государства к ветеранам войны. Учитывая злободневность проблемы, позволим привести цитату из статьи с красноречивым названием «Ветераны Отечественной войны в ни-

щете»: «...Самое неутешительное и даже, можно сказать, ужасное в этом перечне, то, что все эти бедные ветераны, когда-то проливавшие кровь за свое отечество, в продолжение стольких лет пребывают в бедности и нищете, и что о них совсем забыло общество и государство, и что о них вспомнили только 100 лет спустя — и то ввиду юбилея, когда понадобилось какой-то комиссии собирать интересные для своего издания сведения... Разве это не ужасно? Эти люди все теперь так слабы, что не в состоянии ходить сами без посторонней помощи, и их поддерживают такие же дряхлые старики — жены и родственники, сравнительно более молодые, но сами стоящие на краю могилы.

В других странах на таких людей смотрят как на героев и не оставляют их на произвол судьбы, как у нас. О таких людях заботится само государство и, прежде всего, военное ведомство, у которого всюду есть на то дома призрения для ветеранов. А у нас... эти защитники отечества, иногда украшенные несколькими георгиевскими крестами, пользуются правом просить милостыню у сердобольных граждан, выжимая у них слезы и с ними жалость, показывая обрубленные со всех сторон бюсты, не имея даже чем положить брошенную им милосердно копейку в мешочек, привязанный на геройской шее...

А в других случаях там, где пули и ядра пощадил защитников и где они, благодаря своему здоровью, дожили до 100 лет, там о них совсем забыли, полагая, что больше о них заботиться нечего, так как от них теперь нет никакой пользы.

Эгоизм — достойный быть отмеченным криком негодования всего нашего общества: названный фельдфебель Винтонюк не получает даже обычной солдатской пенсии, выдаваемой другим счастливым. Так они, пожалуй, и умрут, не дождавсь в продолжение 100 лет помощи, и вся надежда лишь на то, что теперь в торжественные юбилейные дни прошлых событий лица, до коих сие касается, может быть, найдут, что неприлично приглашать этих бедных людей на торжества, как приманку и статистов, не вознаградив их, как подобает, хоть теперь... А картина 25-ти столетних ветеранов-нищих может оказаться далеко не в пользу блестящего ландшафта бородинской панорамы⁴⁸.

Не все из перечисленных выше старожилы смогли принять участие в торжествах на Бородинском поле по состоянию здоровья и материальному положению. 24 августа (6 сентября) 1912 г. департамент общих дел Министерства внутренних дел сообщал в Церемониальную часть Министерства императорского двора, что «...прибыли для участия в торжествах Аким Винтонюк, Петр Лаптев, Степан Жук, Гордей Громов, Максим Пятаченков и имеет прибыть Мария Желтякова»⁴⁹. В этот же день «ветеранов, очевидцев и современников» Отечественной войны 1812 г. принял министр внутренних дел А. А. Макаров. Он подробно расспрашивал каждого из них «...о том участии, которое они принимали в Отечественной войне»⁵⁰.

«Проживающий в Кишеневе отставной фельдфебель Аким Винтонюк, 122 лет, служивший в 53-м пехотном Волынском полку; из расспросов министр узнал, что Винтонюк существует на скудный заработок своей 90-летней жены старухи. Мещанин г[орода] Свенцяны⁵¹

Петр Лаптев, 118 лет, объяснял, что он был очевидцем следования Наполеона и его армии через город Свеняны. Крестьянин села Краснаго Поколюбеческой волости Гомельского уезда Могилевской губернии Гордей Громов, 112 лет, заявивший министру, что он был очевидцем следования французских войск через село Красное. Проживающий в слободе Загуменщине близ гор[ода] Кирсанова Тамбовской губернии кр[естьянин] Ирской волости Кирсановского уезда Максим Потаченков (так в тексте. — *Е. Б.*), 120 лет; последний заявил, что он — очевидец пребывания пленных французских солдат в гор[оде] Кирсанове»⁵². «Кроме этих ветеранов, в Москву прибыли: крестьянин деревни Шавельки Дриссенского уезда Витебской губернии Степан Жук, 110 лет, очевидец Отечественной войны; и крестьянка деревни Подберезной Рождественской волости Бронницкого уезда Московской губернии Мария Желтякова, 110 лет»⁵³.

25 августа (7 сентября) 1912 г. пять ветеранов были представлены монаршим особам. Император Николай II и императрица Александра Федоровна в течение четверти часа беседовали с ними в саду инвалидного дома. На следующий день ветераны приняли участие в богослужении, которое состоялось на Курганной высоте у памятника «Благодарное Отечество положившим живот на поле чести». Вот как описывает сам Николай II этот эпизод: «В довершение всего удалось привезти несколько стариков, помнящих нашествие французов, но самое главное, между ними находился один участник сражения, бывший фельдфебель Войтинюк⁵⁴, 122 лет. Подумай только — говорить с человеком, кот[орый] все помнит и рассказывает всякие подробности боя, показывает место, где был тогда ранен и т. д. Я им сказал стать рядом с нами у палатки во время молебна и следил за ними. Они все становились на колени сами с помощью палки и сами вставали!»⁵⁵

Власти учли критику со стороны общественности по поводу материального положения ветеранов — пятерым (!) очевидцам войны, прибывшим на торжества, была назначена пенсия в размере 300 руб., а отставному фельдфебелю А. Винтонюку — 600 руб. в год⁵⁶.

В юбилейных торжествах приняли участие и потомки участников Отечественной войны 1812 г. Правда, это право было предоставлено лишь потомкам генералов и старших офицеров: «Для установления вящей духовной и патриотической связи между героями Отечественной войны и современными потомками на почве служения Престолу и Родине, предоставить право участия на торжествах: на Бородинском поле ввиду технических затруднений лишь потомкам генералов, штаб и обер-офицеров, участвовавших в Бородинском бою; и в Москве — им же и потомкам тех же чинов, участвовавших вообще в течении кампании 1812 года»⁵⁷. Возможность присутствия на официальных праздничных мероприятиях получали лишь лица, документально подтвердившие свое родство с участниками войны. Всего было выявлено (включено в окончательный список) 445 человек — прямых потомков (по мужской линии) участников Отечественной войны 1812 г., в том числе 240 потомков — участников Бородинского сражения⁵⁸. Документы выдавались: гражданским лицам — по месту жительства органами вла-

сти (не ниже губернатора, градоначальника или начальника центрального ведомственного управления); военнослужащим — по месту службы органами военного управления (не ниже командира дивизии или пользующегося равными правами начальника). Свидетельства подлежали обмену в период с 20 по 22 августа (с 2 по 4 сентября) в канцелярии Московского генерал-губернатора на именные билеты установленного образца. Для их получения необходимо было прибыть лично или направить доверенное лицо. При этом было особо оговорено, что «рассылаться билеты по месту жительства безусловно не будут»⁵⁹.

Проезд к месту проведения юбилейных мероприятий и размещение этой категории лиц осуществлялись за свой счет. В. Г. Глазов в своем письме к В. Н. Коковцову подчеркивал, что «никаких денежных отпусков на приезд не назначается»⁶⁰. Исключение было сделано лишь для ветеранов и очевидцев войны, которым было признано целесообразным «предоставить необходимые денежные средства и удобства на переезд к месту торжеств»⁶¹. Учитывая большое количество желающих увидеть празднества на Бородинском поле, Александровская железная дорога назначила дополнительные поезда от Москвы до станции Бородино. Билеты на эти поезда выдавались исключительно лицам, «предъявившим билеты для пропуска на Бородинское поле за подписью Московского губернатора»⁶². Также через центральную и губернскую прессу было доведено до всеобщего сведения, что «на Бородинском поле никаких особых мест или трибун устроено не будет, на Ходынском же поле публика будет допускаться на трибуны и на отдельные площадки»⁶³. Количество желающих увидеть торжества значительно превысило число мест, и запись была прекращена досрочно.

При подготовке юбилейных мероприятий большое внимание было уделено обеспечению порядка среди гостей и местного населения. Для этих целей были задействованы воинские части, полиция, жандармерия, а также... сами участники торжеств. В. Г. Глазов в письме начальнику канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолову писал, что «...присутствие волостных и сельских представителей является крайне желательным... и в интересах охраны»⁶⁴. Для обеспечения организованности и порядка на бородинских мероприятиях власти активно использовали и меры морально-идеологического воздействия на население. За несколько дней до юбилейных торжеств Московский генерал-губернатор на страницах центральной печати обратился к жителям Можайского уезда с объявлением: «Празднование столетия со дня сражения на земле, пропитанной праведной кровью нашей доблестной армии, не может быть праздником веселья, но благодарственной молитвенной памятью о славных защитниках нашей родины, положивших свою жизнь за честь и славу России. Я призываю поэтому все население, прежде всего, помолиться за павших воинов пред святой иконой Смоленской Божией Матери Одигитрии, божественной заступницы русских во время Бородинского боя, ныне шествующей крестным ходом из города Смоленска и имеющей осенять своим святым покровом Бородинские торжества»⁶⁵.

Для освещения юбилейных мероприятий были приглашены представители прессы. 17 (30) августа 1912 г. через газету «Московские ведомости» власти доводили до заинтересованных лиц: «Для корреспондентов и фотографов корреспондентские билеты, выданные им от Московского градоначальника для г[орода] Москвы, действительны и для Бородина. Такие билеты должны быть ими только предъявлены чинам придворной цензуры для засвидетельствования их канцелярией Министерства императорского двора. Бюро придворной цензуры в Бородине будет помещаться в гостинице при Спасо-Бородинском монастыре»⁶⁶.

Мы не будем описывать сами торжества на Бородинском поле и в Москве. Они достаточно подробно освещены в периодической печати того времени и исторической литературе⁶⁷. Отметим лишь, что юбилейные мероприятия, посвященные одной из трагических и одновременно героических страниц отечественной истории, прошли организованно, на высоком идейном и художественном уровне (используя терминологию советских лет. — Е. Б.). Несомненно, что празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. всколыхнуло народную память и способствовало укреплению патриотического духа русского народа.

Заканчивая освещение деятельности высших и центральных органов власти и государственного управления по организации и проведению торжеств, посвященных 100-летию победы России в Отечественной войне 1812 г., необходимо сделать ряд принципиальных выводов.

Во-первых, сохранение в обществе исторической памяти о героических событиях прошлого необходимо в целях формирования у граждан (прежде всего, молодого поколения) патриотических чувств и качеств.

Во-вторых, за шумными юбилейными мероприятиями общество и государство не должно забывать интересы и нужды ветеранов войн, проливавших свою кровь за Отечество на полях брани.

В-третьих, исторический опыт свидетельствует, что государству сложно добиться уважения от соседей, если власть сама проявляет неуважение к отечественной истории и своей стране.

При проведении праздничных мероприятий в России в 1912 г. в угоду поддержанию союзнических отношений с Францией из официальных документов была исключена формулировка «победа России в Отечественной войне 1812 года». 25–30 августа (7–12 сентября) 1912 г. отмечалось «100-летие Отечественной войны 1812 года». Власть в очередной раз продемонстрировала свое низкопоклонство перед Европой, унизив патриотические чувства российских граждан.

К сожалению, рецидивы подобного мышления в нашей стране встречаются и в XXI в. Так, например, на протяжении двух последних десятилетий в официальных документах и выступлениях руководителей Российской Федерации, посвященных празднованию Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в большинстве случаев отсутствует

упоминание о Советском Союзе как о главном могильщике германского нацизма. В лексиконе представителей власти используется такой абстрактный словесный оборот, как «Великая Победа». Победа кого? Победа над кем? Победа в войне или в игре в гольф? Такая «абстракция», на наш взгляд, не способствует формированию у молодежи исторического сознания, гражданственности и патриотизма. Надо уметь и желать гордиться своим Отечеством, как бы оно ни называлось — Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация.

---

¹ В текстах официальных документов, датированных 1912 годом, практически отсутствуют понятия — «столетие победы России в Отечественной войне 1812 года» или «юбилей победы России над наполеоновской Францией». В документах, с которыми работал автор в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА), использовалась нейтральная формулировка «юбилей Отечественной войны 1812 года». По мнению автора, это было сделано преднамеренно в угоду «большой политике». В торжествах принимали участие две делегации от Франции, и российская сторона не хотела «обидеть» своего бывшего противника, а ныне — европейского союзника.

² Все даты указаны по старому и новому стилям; в скобках — даты по григорианскому календарю.

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 14.

⁴ *Глазов Владимир Гаврилович* (12 (24) сентября 1848 г. — предпол. 1920 г.), русский военачальник и государственный деятель, генерал-лейтенант от инфантерии, член Военного совета (с 3 апреля 1909 г.), почетный член Императорской Николаевской военной академии. Образование получил в Константиновском межевом институте, затем — в 3-м Александровском военном училище. В 1869 г. был произведен в подпоручики во 2-й гренадерский Ростовский полк. В 1876 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду и был направлен для прохождения военной службы в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом сначала 9-й пехотной дивизии, затем — 8-го армейского корпуса. С этими частями, находившимися под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Радецкого, участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.). За боевые заслуги был повышен в звании до подполковника и награжден орденами: св. Станислава 3-й степени с мечами и св. Владимира 4-й степени с мечами. В 1878 г. был назначен состоять для поручений при штабе 8-го армейского корпуса. В 1897 г. окончил с золотой медалью Санкт-Петербургский археологический институт. С 1881 г. — начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии. Одновременно читал лекции по тактике в Чугуевском юнкерском училище. С 1891 г. — начальник штаба Кронштадтской крепости. Затем командовал лейб-гвардии 1-м стрелковым Е. В. батальоном. С 22 ноября 1893 г. по 31 мая 1895 г. — командир лейб-гвардии Московского полка. С 1895 по 1901 г. — на штабной работе, был начальником штаба Гвардейского корпуса и начальником штаба Финляндского военного округа. В 1901–1904 гг. возглавляет Николаевскую академию Генерального штаба. 10 апреля 1904 г. назначен министром народного просвещения. На этом посту стремился к преобразованию высших и средних школ. Однако события 1905 г. побудили его подать прошение об увольнении. 26 октября 1905 г. был назначен помощником командующего войсками Московского военного округа, а 24 апреля 1906 г. — командиром 17-го армейского корпуса. 3 апреля 1909 г. назначен членом Военного совета. В 1912 г. возглавлял Междуведомственную комиссию по обсуждению вопросов, связанных с юбилейными торжествами Отечественной войны 1812 г. Его перу принадлежит несколько статей по военноспециальным вопросам и книга: «Очерк порядков обучения стрельбе в пехоте». Участник Первой мировой войны

(1914–1918 гг.). После Февральской буржуазно-демократической революции (1917 г.) проживал в Петрограде, продолжал службу в Военном совете. 21 марта 1918 г. уволен от службы распоряжением наркома по военным делам (за упразднением Военного совета). Предположительно погиб в 1920 г.

⁵ *Коковцов Владимир Николаевич* (6 (18) апреля 1853 г. — 29 января 1943 г.), граф (30.01.1914 г.), русский государственный деятель, действительный тайный советник (1905 г.). Образование: 2-я Санкт-Петербургская гимназия (1866 г.); окончил Императорский Александровский лицей с большой золотой медалью (1872 г.). После чего высочайше дозволено продолжить образование в Императорском Санкт-Петербургском университете с зачислением проведенного в университете времени в действительную службу (в феврале 1873 г. оставил университет в связи со смертью отца). Зачислен на действительную службу с чином титулярного советника (16 (28) декабря 1872 г.). В 1873–1878 гг. проходил службу в Министерстве юстиции в должности младшего помощника столоначальника, старшего помощника столоначальника, столоначальника статистического и уголовного отделений. В 1879–1882 гг. — инспектор Главного тюремного управления МВД. В 1882 г. — помощник начальника Главного тюремного управления МВД. В 1890–1895 гг. проходил службу в Государственной канцелярии в должностях помощника статс-секретаря Государственного совета, председателя хозяйственного комитета, статс-секретаря департамента государственной экономии. В 1895–1896 гг. — товарищ (заместитель) Государственного секретаря В. К. Плеве. В 1896 г. назначен товарищем (заместителем) министра финансов С. Ю. Витте. Сенатор (1900 г.). Государственный секретарь (1902–1904 гг.). Министр финансов (28 марта (19 апреля) 1904 г. — 24 октября (6 ноября) 1905 г.). С 1905 г. — член Государственного совета. Назначался к присутствию (1906–1917 гг.). Министр финансов (26.04.1906 г. — 30.01.1914 г.). Статс-секретарь Госсовета по департаменту государственной экономии (1908 г.). Председатель совета министров с сохранением поста министра финансов (1911 г.). 6 сентября 1911 г. после убийства П. А. Столыпина Николай II принял решение о назначении председателем совета министров В. Н. Коковцова. 30 января 1914 года уволен от должностей председателя Совета министров и министра финансов, с оставлением членом Государственного совета и сенатором. После Февральской буржуазно-демократической революции (1917 г.) был арестован, но вскоре отпущен с охранной грамотой от Государственной Думы. В 1918 г. подвергся аресту ВЧК. Был допрошен М. С. Урицким и выпущен на свободу. В ноябре 1918 г., получив известие о предстоящем аресте, бежал из советской России. С ноября 1918 г. — в эмиграции. Проживал во Франции. Принимал активное участие в жизни русской эмиграции: с 1920 г. — председатель правления Лицейского объединения во Франции; с 1929 г. — председатель Комитета русских общественных организаций. Умер в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 22 июля (4 августа).

⁷ «Патриот», еженедельная газета, орган печати «Русского монархического союза» и «Русского монархического собрания», издавалась в Москве (1911–1912 гг.).

⁸ Роль народа в праздновании юбилея 1812 года // Патриот. 1912. 29 апреля (12 мая).

⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Московские губернские ведомости. 1912. 27 июня (9 июля).

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15 (28) августа.

¹³ Московские губернские ведомости. 1912. 27 июня (9 июля).

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15 (28) августа.

¹⁵ См.: Московские губернские ведомости. 1912. 25 июля (7 августа).

¹⁶ *Неверовский Дмитрий Петрович* (21 октября (1 ноября) 1771 г. — 1813 г.), генерал-лейтенант (1912 г.), герой Отечественной войны 1812 г. Родился в селе Прохоровке Золотоношского уезда Полтавской губ. в семье прохоровского сотника, а затем золотоношского городничего Петра Ивановича Неверовского и жены его Праско-

вии Ивановны (урожденной Левицкой). Первоначальное образование получил в доме родителей. В 1786 г. в Малороссию приезжал граф П. В. Завадовский, хорошо знавший П. И. Неверовского. С согласия родителей, он увез Дмитрия в Санкт-Петербург. 16 (27) мая 1786 г. Д. П. Неверовский был определен рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк, через год произведен в сержанты. С началом Русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) Д. П. Неверовский перевелся в действующую армию. 3 (14) октября 1787 г. определен поручиком в Малороссийский гренадерский полк. Боевое крещение получил 7 (18) сентября 1788 г. в деле при Сальче, затем принимал участие во взятии Бендерской крепости. После окончания Русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) перевелся в армию, действовавшую против польских повстанцев. Здесь он участвовал в ряде сражений и боев: 4 (15) июля 1792 г. — при Деревнице; 7 (18) июля 1792 г. — при Городище. За отличие был произведен в капитаны. 24 октября (4 ноября) 1794 г. при штурме Праги (пригорода Варшавы) проявил смелость и распорядительность, за что был произведен в звание секунд-майора и награжден золотым знаком «За труды и храбрость» (так называемым «Пражским крестом»). В 1803 г. Д. П. Неверовский был назначен командиром Морского полка. В сентябре 1803 г. произведен в полковники. В марте следующего года получил чин генерал-майора и назначен шефом 3-го Морского полка, дислоцированного в Ревеле. В сентябре 1805 г. этот полк был включен в состав войск, отправляемых в Шведскую Померанию под командованием генерал-лейтенанта П. А. Толстого. Полк на кораблях морским путем был перевезен в Штральзунд, откуда совершил пеший марш к берегам реки Везер. Вскоре полк в составе корпуса был возвращен в Россию. В 1808 г. 3-й морской полк стоял на караулах в Санкт-Петербурге и был оставлен в Кронштадте. В 1809 г. по личному повелению Александра I Д. П. Неверовский был назначен шефом Павловского гренадерского полка. В конце 1811 г. Д. П. Неверовскому, как опытному боевому генералу, было поручено формирование в Москве 27-й пехотной дивизии. За свои труды по формированию дивизии Д. П. Неверовский был награжден орденом св. Анны I степени. Весной 1812 г. дивизия Д. П. Неверовского оставила Москву и должна была войти в состав 2-й армии (командующий — генерал от инфантерии князь П. И. Багратион). Важнейшим подвигом дивизии было сражение под Красным с войсками маршала И. Мюрата и отступление после него, признаваемое военными авторитетами за беспримерное. Несмотря на частые атаки французского авангарда, 27-я дивизия (впервые бывшая под огнем) отступала организованно и смогла задержать противника, пока наши войска организовали оборону под Смоленском и прикрыли дорогу на Москву. 24 августа (5 сентября) 1812 г. дивизия Д. П. Неверовского, оборонявшая Шевардинский редут, практически была уничтожена. 26 августа (7 сентября) остатки дивизии упорно сражались за Семеновские флеши. В этом бою Д. П. Неверовский получил ранение и контузию, но остался в строю. За отличие получил чин генерал-лейтенанта (21 октября (2 ноября) 1812 г.). Укомплектовав дивизию в Тарутинском лагере, Д. П. Неверовский принял участие в боевых действиях по изгнанию неприятеля из пределов России. Участвовал в заграничном походе русской армии. Мужественно воевал в сражении на реке Кацбах (26 августа (7 сентября) 1813 г.). 6 (18) октября 1813 г. в сражении под Лейпцигом был смертельно ранен. За эту битву Д. П. Неверовский был награжден орденом св. Георгия III степени, но лично награду получить уже не смог, скончавшись 21 октября (2 ноября) 1813 г. в Галле, где и был предан земле. В 1912 г. прах генерала Д. П. Неверовского был перевезен в Россию и погребен возле Спасо-Бородинского монастыря на Семеновских флешах, где во время Бородинского сражения мужественно сражалась его 27-я дивизия.

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 8–9.

¹⁸ *Макаров Александр Александрович* (7 (19) июля 1857 г. — февраль 1919 г.), русский государственный деятель, действительный тайный советник (1917 г.). Родился в купеческой семье в Санкт-Петербурге. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1878 г.) и начал службу в Министерстве юстиции. В 1884 г. он выбирается в мировые судьи, а на следующий год назначается членом окружного суда. В 1887 г. избран почетным мировым судьей. Участвовал в проведении реформы судебной системы в Прибалтийском крае; первый прокурор Ревельского окружного суда (1889–1894 гг.). Зарекомендовал себя профессиональным юристом, строгим,

но внимательным руководителем, получил чин коллежского советника. В апреле 1894 г. возглавил Нижегородскую прокуратуру, а в 1897 г. — прокуратуру Московского окружного суда. С 1901 г. — прокурор Саратовской судебной палаты. С 7 апреля 1906 г. — старший председатель Харьковской судебной палаты. С 18 мая 1906 г. — товарищ (заместитель) министра внутренних дел, директор департамента полиции и командир Отдельного корпуса жандармов. Вел активную борьбу с революционным движением. Вследствие придворных интриг вынужден был оставить свой пост. С 1 (13) января 1909 г. — государственный секретарь. В 1911 г., после убийства П. А. Столыпина, по рекомендации В. Н. Коковцова был назначен министром внутренних дел. Оставил пост в декабре 1912 г. после стачки рабочих на Ленских приисках. 1 (13) января 1912 г. назначен членом Государственного совета. С 7 (19) июля по 20 декабря 1916 г. (1 января 1917 г.) — министр юстиции. После Февральской буржуазно-демократической революции (1917 г.) был арестован, с 1 марта по 31 июля 1917 г. находился в заключении в Петропавловской крепости. Его жена, Елена Павловна, добилась освобождения под большой залог. Однако после Октябрьской революции (1917 г.) был вновь арестован большевиками. Содержался в «Крестах» в Петрограде, затем переведен в Бутырскую тюрьму в Москву. Расстрелян в феврале 1919 г. по постановлению ВЧК.

¹⁹ Там же. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579а. Л. 169.

²⁰ Там же. Л. 170.

²¹ Смотр «потешных» организаций Российской империи проходил в конце июля — начале августа 1912 г. 1 (14) августа 1912 г. в Санкт-Петербурге на Марсовом поле в присутствии императора Николая II состоялся смотр и показательные выступления. В строю находились представители 85 «потешных» организаций, в том числе: от Московского, Виленского, Киевского, Харьковского, Одесского, Казанского, Кавказского, Дальневосточного учебных округов; Севастопольского ремесленного училища; Церковно-приходской технической школы (всего более 8500 человек). См.: Русский стяг. 1912. 12 (25) августа.

²² РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 9–9 об.

²³ *Болдырев Василий Ксенофонтович* (23 апреля (5 мая) 1850 г. — 8 (21) декабря 1916 г.), российский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант (1905 г.). Выходец из потомственных почетных граждан Орловской губернии. Первоначальное образование получил в гимназии (1869 г.). В 1871 г. окончил 1-е военное Павловское училище. Военную службу начал в лейб-гвардии Финляндском полку. Участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.). В сражении под Плевной, командуя ротой, получил четыре тяжелых пулевых ранения. После излечения В. К. Болдырев окончил Военно-юридическую академию (1881 г.). В 1889 г. — военный судья Казанского военно-окружного суда. Служил помощником военного прокурора Санкт-Петербургского военно-окружного суда, с 1890 г. исполнял обязанности прокурора. В 1892 г. назначен начальником Алтайского горного округа. На Алтае в это время шел болезненный процесс закрытия сереброплавильных заводов, ставших нерентабельными (с 1896 г. Алтайский округ перестал называться горным). С вводом в строй на территории Западной Сибири железной дороги из европейских губерний на Алтай хлынула волна переселенцев (в том числе и стихийных). По инициативе В. К. Болдырева при Главном управлении округа было создано статистическое бюро (1894 г.) для исследования жизни переселенцев, крестьян-сторожилов и инородцев. Для руководства бюро В. К. Болдырев лично пригласил выдающегося исследователя Сибири, писателя-публициста Н. М. Ядринцева. В. К. Болдырев всемерно поддерживал Общество любителей исследования Алтая (1891 г.), внесшее большой вклад в изучение края; был его почетным председателем. Во многом благодаря усилиям В. К. Болдырева Кабинет бесплатно передал Обществу попечения о начальном образовании в Барнауле Аптекарский сад (ныне Парк культуры и отдыха Центрального района) и сгоревшее здание тюрьмы, на месте которой в 1900 г. был построен Народный дом (ныне здание концертного зала Краевой филармонии). Проект Народного дома по просьбе В. К. Болдырева бесплатно сделал петербургский архитектор И. П. Ропет. В. К. Болдырев оказал большое содействие в преобразовании Барнаульского окружного училища в реальное (1897 г.), способствовал строительству 30 школ в переселенческих поселках (средства на их строи-

тельство выделил Кабинет в связи со 150-летием округа). В марте 1900 г. генерал-майор В. К. Болдырев выехал в Санкт-Петербург в связи с назначением заведующим земельно-заводским отделом Кабинета Его Императорского Величества. В. К. Болдырев оставил на Алтае о себе добрую память. Решением Барнаульской городской думы ему было присвоено звание почетного гражданина г. Барнаула, его именем назван переулок в Нагорной части города (в настоящее время — переулок имени И. В. Присягина), учреждены именные стипендии для учащихся реального и механико-технического училищ, а также казенной женской гимназии.

²⁴ *Мосолов Александр Александрович* (19 февраля (3 марта) 1854 г. — 1 октября 1939 г.), российский военачальник, придворный чиновник, дипломат, генерал-лейтенант (1908 г.). Военную службу начал в 1873 г. Образование: офицерский экзамен Офицерской кавалерийской школы (1875 г.). С 1875 г. проходил службу в лейб-гвардии Конном полку. Участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.), состоял флигель-адъютантом и командовал конвоем князя Александра Болгарского (Баттенберга). В 1900–1916 гг. был на должности начальника канцелярии Министерства императорского двора и уделов. Заведовал придворной цензурой (отдел канцелярии Министерства императорского двора). В конце 1916 г. назначен министром-посланником в Румынию. Покинул этот пост после Февральской буржуазно-демократической революции (1917 г.). В 1918 г. участвовал в попытках спасти царскую семью, арестованную большевиками. Воевал против Красной Армии на Юге России. После поражения Белого движения в гражданской войне (1918–1922 гг.) эмигрировал из России. В 1921 г. был одним из организаторов Общероссийского монархического съезда в Рейхенгалле (Бавария). Жил сначала во Франции, с 1933 г. — в Болгарии. Член руководства Союза объединенных монархистов. В 1931 г. возглавлял группу в Антибе.

²⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 5–6 об.

²⁶ Там же. Л. 6.

²⁷ Там же. Л. 6–6 об.

²⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579 б. Л. 193.

²⁹ *Джунковский Владимир Фёдорович* (7 (19) сентября 1865 г. — 21 февраля 1938 г.), российский государственный и военный деятель; генерал-лейтенант (1917 г.). Из дворян Полтавской губернии. Родился в семье военнослужащего. Окончил Пажеский корпус (1882 г.). Военную службу начал в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1891 г. адъютант великого князя Сергея Александровича. В этой должности пробыл 13 лет, дослужившись к 1905 г. лишь до чина капитана. После убийства великого князя Сергея Александровича (4 (17).02.1905 г.) террористом И. П. Каляевым в память о великом князе был произведен сразу в полковники. 12 (25) августа 1905 г. назначен вице-губернатором Москвы. С 11 (24) ноября 1905 г. — московский губернатор. В 1908 г. присвоено воинское звание генерал-майора. Решающую роль в дальнейшей карьере В. Ф. Джунковского сыграла его деятельность по организации торжеств, посвященных столетию Отечественной войны 1812 г. Император Николай II отметил четкую организацию охраны и поддержания порядка в Бородине и Москве в августе (сентябре) 1912 г. 25 января (7 февраля) 1913 г. В. Ф. Джунковский назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. В 1913–1914 гг. провел реформу системы политического сыска Российской империи: упразднил охранные отделения в городах империи (за исключением Санкт-Петербурга и Москвы); повел решительную борьбу с провокациями, как методом работы полиции; запретил вербовку агентов среди учащихся средних учебных заведений и военнослужащих армии и флота; уволил со службы сотрудников полиции, дискредитировавших себя. С началом Первой мировой войны (1914 г.) организовал контрразведывательную деятельность Департамента полиции МВД, создал агентурную сеть в приграничных районах. В июле 1915 г. В. Ф. Джунковский представил Николаю II подготовленный на основе донесений секретных агентов доклад о Г. Распутине, чье поведение дискредитировало императорскую семью. Это вызвало негативную реакцию Николая II. В августе 1915 г. В. Ф. Джунковский был освобожден от занимаемой должности без объяснения причин. Осенью 1915 г. В. Ф. Джунковский по личной просьбе отправлен на фронт. На Западном фронте командовал

бригадой, затем — 15-й Сибирской дивизией. 4 октября 1917 г. назначен командиром 3-го Сибирского армейского корпуса. После Октябрьской социалистической революции (1917 г.) в ноябре 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость в Петрограде. Вскоре был освобожден. Подал в отставку и получил пенсию. В сентябре 1918 г. по ошибке был арестован (приняли за другого человека). Однако освобожден не был. В мае 1919 г. ревтрибуналом был приговорен к пяти годам тюремного заключения за участие в подавлении Московского восстания в 1905 г. В связи с ухудшением здоровья с июля 1919 г. находился в больнице. В феврале 1921 г. вновь помещен в тюрьму. В ноябре 1921 г. освобожден декретом ВЦИК. Работал церковным старостой, давал частные уроки французского языка. В 1920-е гг. писал воспоминания, используя свой огромный архив, хранившийся в Пушкинском доме Академии наук. В 1934 г. его рукопись была приобретена В. Д. Бонч-Бруевичем для Государственного литературного музея за 50 тыс. руб., что позволило В. Ф. Джунковскому обеспечить свое существование в течение нескольких лет. В декабре 1937 г. вновь был арестован. 21 февраля 1938 г. постановлением «тройки» НКВД по Московской области приговорен к смертной казни. В тот же день расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

³⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 15796. Л. 193.

³¹ *Фредерикс Владимир Борисович (Адольф Антон Владимир)* (16 (28) ноября 1838 г. — 5 июля 1927 г.), российский государственный деятель, генерал от кавалерии (6 (18) декабря 1900 г.), генерал-адъютант (24 марта (6 апреля) 1896 г.), граф (21 февраля (6 марта) 1913 г.). Родился в семье генерала от инфантерии барона Б. А. Фредерикса. Получил домашнее образование. 17 (29) марта 1856 г. поступил на службу вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк, в котором прослужил (с перерывом на отпуск) пятнадцать лет. 25 марта (6 апреля) 1871 г. назначен флигель-адъютантом при императоре Александре II. 13 (25) апреля 1872 г. отчислен от фронта в Свиту Е. И. В. С 27 июля (8 августа) 1875 г. — командир лейб-гвардии Конного полка (с оставлением флигель-адъютантом). С 1881 г. — командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1891–1893 гг. — шталмейстер императорского двора. 1 (13) декабря 1893 г. назначен помощником министра императорского двора и Уделов на правах товарища (заместителя) министра. С 14 (26) июля 1897 г. — командующий императорской Главной квартирой. С 5 (17) апреля 1898 г. по 28 марта (10 апреля) 1917 г. — министр императорского двора и уделов. С началом Первой мировой войны (1914 г.) находился с императором Николаем II в Ставке в Могилеве, сопровождал его во всех поездках. Пользовался исключительным доверием императора. 2 (15) марта 1917 г. в Пскове своей подписью скрепил машинописный лист с Актом об отречении императора Николая II от престола. 5 (18) марта по требованию Временного правительства удален из местопребывания императора, а 9 (22) марта 1917 г. был арестован в Гомеле железнодорожными рабочими. При обыске в вагоне у него отобрали печать министра, оружие, дневники и различные документы. По телеграмме А. И. Гучкова и А. Ф. Керенского был отправлен в Петроград, доставлен в Таврический дворец. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. 11 (24) марта 1917 г. по рекомендации врачей-психиатров отправлен в Евангелическую больницу. Вскоре был освобожден. Жил в Петрограде. В 1924 г. обратился к советскому правительству с просьбой о выезде за границу. Получив разрешение, вместе с дочерью выехал в том же году в Финляндию.

³² РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579 б. Л. 197.

³³ *Михневич Николай Петрович* (7 (19) октября 1849 г. — 8 февраля 1927 г.), российский военный деятель, военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1910 г.). Образование получил: первоначально в 1-й Московской гимназии, затем в Константиновском межевом институте. Окончил Александровское военное училище в 1869 г. с присвоением чина прапорщика. Офицерскую службу начал в лейб-гвардии Семеновском полку. Принимал участие в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.). После окончания Николаевской академии Генерального штаба (1882 г.) служил по Генеральному штабу в Санкт-Петербургском военном округе. В 1892 г. защитил диссертацию по истории военного искусства. С 1892 г. — профессор кафедры истории русского военного искусства

Николаевской академии Генерального штаба. Одновременно читал лекции в Михайловской артиллерийской академии, Николаевской морской академии и ряде военных училищ. В 1904–1907 гг. — начальник Николаевской академии Генерального штаба. В 1907 г. назначен командиром 24-й пехотной дивизии. В 1908–1910 гг. — командир 2-й гвардейской пехотной дивизии. В 1910–1911 гг. — командир 5-го армейского корпуса. С 1911 г. возглавлял Главный штаб русской армии. В этой должности находился до 24 марта 1917 г. Затем — член Военного совета при военном министре. В апреле 1917 г. уволен в отставку. В Красной Армии с 1918 г. Преподавал на 1-х Петроградских артиллерийских курсах, в Артиллерийской академии РККА (1919–1925 гг.). Автор многочисленных трудов по стратегии, тактике, истории военного искусства. Умер в Ленинграде 8 февраля 1927 г. Похоронен в Александровской лавре.

³⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579 б. Л. 198.

³⁵ Делегацию Великого княжества Финляндского можно назвать «иностранной» с большой степенью условности, так как в этот период Финляндия входила в состав Российской империи.

³⁶ *Фернанд Луи Армон Мария де Лангль де Кару* (4 июля 1849 г. — 19 февраля 1927 г.), французский военачальник, дивизионный генерал (9.05.1906 г.). Окончил Императорскую военную школу (Ecole impériale militaire) в Сен-Сире (1867–1869 гг.). Проходил военную службу в должностях: командира полка, бригады, дивизии, армейского корпуса. С 17 декабря 1911 г. член Высшего военного совета. Кавалер ордена Почетного легиона: Chevalie de la Légion d'honneur (1871 г.), Officier de la Légion d'honneur (8.07.1889), Commandeur de la Légion d'honneur (1907 г.), Grand croix de la Légion d'honneur (31.12.1913 г.).

³⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 45. Л. 36.

³⁸ «*Le Souvenir Français*» (фр. дословно «*Французское воспоминание*») — военно-историческое общество, созданное во Франции в конце XIX в.

³⁹ «*La Sabretache*» (фр. дословно «*Ташка*») — общество по изучению военной истории, созданное во Франции в 1895 году; в качестве эмблемы использовало изображение ташки (кожаной сумки у гусар и улан); издавало военно-историческое обозрение «*Carnet de la Sabretache*».

⁴⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 45. Л. 35.

⁴¹ *Белинский В.* Ветераны Отечественной войны в нищете // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 25 июля (7 августа).

⁴² В газетных статьях имеются расхождения в написании фамилий и возраста старожилов. Так, например, «Санкт-Петербургские ведомости» сообщают о Максиме Пятаченкове, указывая его возраст 122 года (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 25 июля [7 августа]; Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 24 августа [6 сентября]); в то время как «Московские ведомости» пишут: Максим Потаченков, и указывают возраст — 120 лет (см.: Московские ведомости. 1912. 25 августа [7 сентября]). В статье фамилии и возраст персоналий приведены в соответствии с источниками.

⁴³ Так в тексте. Очевидно, речь идет о селе Миляны (*Milany*) Свенцянской волости Свенцянского уезда Виленской губернии.

⁴⁴ По всей видимости, речь идет о сражении при Клястицах. *Клястицы* (белор. *Клясціцы*) — село (севернее г. Полоцка) Россонского района Витебской области Республики Беларусь, в районе которого 18–20 июля (30 июля — 1 августа) 1812 г. во время Отечественной войны произошло сражение между русскими войсками корпуса генерала П. Х. Витгенштейна (17 тыс. человек, 108 орудий) и французскими войсками корпуса маршала Н. Ш. Удино (29 тыс. чел., 114 орудий). 17 июля французские войска, наступая на Санкт-Петербург, заняли Клястицы. П. Х. Витгенштейн принял решение нанести удар во фланг. 18 июля авангард Я. П. Кульнева атаковал и отбросил передовые части противника. 19 июля в бой вступили главные силы русских, заняли Клястицы и вынудили французские войска к отходу. 20 июля отряд Я. П. Кульнева, преследовавший противника, понес большие потери

(был смертельно ранен сам Я. П. Кульнев) и отошел. После подхода главных сил русской армии французам было нанесено поражение, и они отступили к Полоцку. Наступление корпуса Н. Ш. Удино на петербургском направлении было сорвано. Это вынудило Наполеона дополнительно направить сюда 6-й корпус (командир — дивизионный генерал Л. де Гувийон Сен-Сир), тем самым ослабив главные силы французской армии.

⁴⁵ *Екатеринослав* (1776–1797 гг.; 1802–1926 гг.), в 1797–1802 гг. — *Новороссийск*; губернский город Российской империи; в настоящее время — *Днепропетровск* (укр. *Дніпропетровськ*), Украина.

⁴⁶ Составлено авт. по: *Белинский В.* Ветераны Отечественной войны в нищете // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 25 июля (7 августа); Ветераны Отечественной войны // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 23 августа (5 сентября).

⁴⁷ *Белинский В.* Ветераны Отечественной войны в нищете // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 25 июля (7 августа).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579 б. Л. 180.

⁵⁰ Московские ведомости. 1912. 25 августа (7 сентября).

⁵¹ *Свенцяны* (официальное название до 1917 г.), уездный город Виленской губернии; в настоящее время — *Швенченис* (*Svečionys*), Литва.

⁵² Московские ведомости. 1912. 25 августа (7 сентября).

⁵³ Там же.

⁵⁴ В тексте искажена фамилия, ошибочно написано — «Войтинюк».

⁵⁵ Цит. по: *Лебедева Е.* Вы были дети и герои, вы все могли... // Родина. 2002. № 8 (Специальный выпуск). С. 140.

⁵⁶ Русский инвалид. 1912. 30 августа (12 сентября).

⁵⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 14 об.

⁵⁸ Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579б. Л. 33–46 об.

⁵⁹ Московские ведомости. 1912. 17 (30) августа.

⁶⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 15.

⁶¹ Там же.

⁶² Московские ведомости. 1912. 17 (30) августа.

⁶³ Там же.

⁶⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 44а. Л. 9.

⁶⁵ Московские ведомости. 1912. 17 (30) августа.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См., например: *Горбунов А. В.* Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции, 5–7 сентября 2011 года. Можайск, 2012. С. 152–161.

Bochkov A. E. "Attach the value of the national celebration to a jubilee of the Patriotic war of 1812": Activities of the Russian Empire central authorities in organization of the Patriotic War of 1812 100th anniversary.

ABSTRACT: Basing on the archival documents and newspapers of 1912, author elucidates the activity of the Russian Empire central authorities in organization and holding of festive events, devoted to the centenary of victory in the Patriotic War of 1812. The article also brings up an issue of society and state role in solution of war veterans social problems.

KEYWORDS: Patriotic War of 1812, jubilee, emperor, Ministry of an Imperial court, Ministry of Defense, Council of Ministers, Senate, the Holy Synod, Moscow, Borodino, governor, nobility, zemstvo, delegations, veterans, patriotism.

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, member of Military-historical Sciences Academy, Scientific and Educational Center of Historical Studies and Analysis, A. S. Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg); be57@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Russian State Historical Archive.
- ² Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1912. 22 July (4 August).
- ³ Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1912. 25 July (7 August).
- ⁴ Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1912. 15 (28) August.
- ⁵ Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1912. 23 August (5 September).
- ⁶ Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1912. 24 August (6 September).
- ⁷ Patriot. 1912. 29 April (12 May).
- ⁸ Moskovskie gubernskie vedomosti. 1912. 27 June (9 July).
- ⁹ Moskovskie gubernskie vedomosti. 1912. 25 July (7 August).
- ¹⁰ Russkij styag. 1912. 12 (25) August.
- ¹¹ *Belinskij V. Veterany' Otechestvennoj vojny' v nishhete* // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1912. 25 July (7 August).
- ¹² Moskovskie vedomosti. 1912. 17 (30) August.
- ¹³ Moskovskie vedomosti. 1912. 25 August (7 September).
- ¹³ *Lebedeva E. Vy' by'li deti i geroi, vy' vse mogli...* // Rodina. 2002. N 8.
- ¹⁴ Russkij invalid. 1912. 30 August (12 September).
- ¹⁵ *Gorbunov A. V. Borodinskie torzhestva 1839 i 1912 gg. kak obrazcy' prazdnovaniya istoricheskix yubileev v Rossijskoj imperii* // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy'. Materialy' XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 5–7 sentyabrya 2011 goda. Mozhaik, 2012.